

Дефектные юридические конструкции в нормотворческой деятельности: влияние на генезис государства и поиск методик выявления

А. Ю. Глушаков

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Механизм создания девиаций описывается во множестве научных исследований. В первую очередь они конструируются с помощью решений в сфере государственной политики, основанных на некорректных статистических данных и создаваемых на их основе ложных конструктов социальных, политических и экономических изменений. Практическим инструментом конструирования девиаций выступает дефектная юридическая конструкция, которая через стадии нормотворческих процедур вводится в состав законодательства государства. Подобное внедрение может привести к повышению уровня социальной напряженности и, как следствие, к риску массовых социальных волнений. Поэтому современной юридической науке необходим актуальный социологический инструментарий для выявления причин социальной напряженности и проведения необходимых корректировок нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: девиация, юридическая конструкция, дефекты юридических конструкций, законотворческая деятельность, методы социологических исследований, прогнозирование, социальная напряженность, массовые волнения, социальные конструкты.

Для цитирования: Глушаков А. Ю. Дефектные юридические конструкции в нормотворческой деятельности: влияние на генезис государства и поиск методик выявления // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 261–283. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_261. EDN: NVEQJT

Defective Legal Structures in Rule-making: the Impact on the Genesis of the State and the Search for Detection Methods

Alexey Yu. Glushakov

North-West Institute of Management of the RANEPA,
Saint Petersburg, Russian Federation

The mechanism of creating deviations is described in many scientific studies. First of all, they are constructed with the help of decisions in the field of public policy based on incorrect statistical data and false constructs of social, political and economic changes created on their basis. A practical tool for constructing deviations is a defective legal structure, which is introduced into the state legislation through the stages of standard-setting procedures. Such an introduction can lead to an increase in the level of social tension and, as a result, to the risk of mass social unrest. Therefore, modern legal science needs up-to-date sociological tools to identify the causes of social tension and carry out the necessary adjustments to standard-setting activities.

Key words: deviation, legal structure, defects of legal structures, legislative activity, methods of sociological research, forecasting, social tension, mass unrest, social constructs.

For citation: Glushakov, A. Yu. (2025) Defektnye yuridicheskie konstruksii v normotvorcheskoy deyatel'nosti: vliyanie na genesis gosudarstva i poisk metodik vyavleniya [Defective Legal Structures in Rule-making: the Impact on the Genesis of the State and the Search for Detection Methods]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 1 (79). Pp. 261–283. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_261. EDN: NVEQJT

Введение

Механизм создания девиаций описывается во множестве научных исследований. В первую очередь они конструируются с помощью решений в сфере государственной политики, основанных на некорректных статистических данных и создаваемых в средствах массовой информации ложных конструктов социальных, политических и экономических изменений [4, с. 399–508]. Иными словами, власть, политический режим, общественное мнение, СМИ конструируют «преступность», «наркотизм», «коррупцию» и др. Все они лишены онтологической реальности [17, 18]. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию. Поэтому различные виды девиантности – это социальные конструкты [11].

Научный анализ развития и проявления девиантности требует проведения исследований общественных изменений. В первую очередь это необходимо для выявления изменений социальной структуры и значения социального и экономического неравенства в формировании в конечном пределе высокого уровня социальной напряженности [12], например, процессов включенности и исключенности [5, с. 164–189]. Данная проблематика включенности /исключенности, стран и представителей различных социальных групп из, экономических, социальных и политических процессов впервые была освещена в ряде работ французских социологов во второй половине XX в. [12, с. 140–156]. Важно отметить, что категории «исключенных» и формируют в основном базу девиаций в социуме [6]. Современный нам, пока еще глобальный, мир представил также новое видение социального контроля над проявлениями девиаций [11].

Инструментом конструирования девиаций выступает в первую очередь дефектная юридическая конструк-

ция, которая через стадии нормотворческих процедур вводится в состав законодательных актов государства. В данном контексте юридическая конструкция понимается в широком смысле: т. е. как конструкция нормы права, правового института. При разработке – это отражение существующей правовой реальности, итог исследования общественных отношений, выделения их идеальной модели, близкой к абстракции и закрепление получившегося содержания в тексте нормы права. Юридические конструкции формируются в первую очередь через анализ существующего практического опыта регулирования общественных отношений и во вторую очередь – как научная модель, формируемая через познание права.

Юридические конструкции в силу своей апробированности в историческом процессе представляют собой практически неизменное юридическое знание и должны сохранять свою актуальность в независимости от ситуации настоящего времени. Поэтому правовая наука определяет, что юридические конструкции подлежат обязательному определению до реализации права, поскольку в юридической конструкции содержится наиболее рациональное содержание не только правотворчества, но и доктрины права в определенной сфере правового регулирования.

В случае внедрения в законодательство недостаточно проработанной юридической конструкции из-за намеренных ошибок (лоббирование интересов определенных социальных групп) или низкой апробированности может возникнуть ситуация повышения уровня социальной напряженности и, как следствие, риск массовых социальных волнений.

Массовые волнения как следствие высочайшего уровня социальной напряженности, результатом которых становится крушение государств – события, которые практи-

чески всегда приковывают внимание ученых различных отраслей знания. Особенный акцент в исследованиях делается на изучении мотивов, социальных групп, а также предполагаемых результатов подобных событий.

Одной из движущих сил глобальных социокультурных процессов выступают глубинные ментальные слои сознания человека, которые возможно искусственно формировать соответствующей дефектной законотворческой деятельностью и последующим дефектным правоприменением, результатом становится воплощение юридической конструкции-симулякра с постоянно повторяющимися девиациями при взаимодействиях субъектов правового оборота. Для более пристального рассмотрения этой темы, необходимо упомянуть о исследованиях А. И. Музыкантского и И. Яковенко проблематики манихейской и гностической матриц сознания [16].

Манихейская матрица сознания содержит две сущности – «МЫ» и «ОНИ», цель существования противоположной сущности («ОНИ») состоит в уничтожении сущности «МЫ». Поэтому грядет последний бой, который обязательно принесет победу сущности «МЫ».

Гностическая матрица сознания позиционирует окружающий мир человека как враждебный и очень опасный, содержащий лишь тяготы и лишения в реальной жизни человека. Избавление от зла этого мира возможно только лишь вне его пределов.

Подобные матрицы сознания, основанные на идеях манихейства и гностицизма, очень серьезно распространены в повседневной, обыденной культуре русского социума. Как показывает анализ событий отечественной истории, субъектный анализ ретроспективы событий прямо указывает на существование неизученных пока циклов русской истории, завершение каждого из которых практически всегда связано было с разрушением госу-

дарственности. Причем содержание механизма разрушения можно охарактеризовать как «массированную загрузку» индивидуумами манихейской матрицы сознания (эмоционально-агрессивной), которая сменяет преобладающую в социуме гностическую матрицу сознания (эмоционально-депрессивную).

В период преобладания гностической матрицы сознания основными массовыми чувствами индивидуумов социума выступают тоска, апатия, страх бесперспективной ненужности, полнейшей растерянности перед лицом существующего настоящего и предполагаемого будущего. Причем будущее в ощущениях индивидуумов социума отсутствует, что формирует в итоге абсолютную безнадежность в социальном смысле, отсутствие надежды на выход из ситуации.

Базовым содержанием для периода преобладания гностической матрицы и внезапно сменяющей ее манихейской матрицы выступает дефектная законотворческая деятельность государств, главной политической идеей которых выступает сохранение категории «стабильность» в социуме. Важнейшими методами воплощения категории «стабильность» выступают: тотальная централизация государственного управления, формирующая чрезмерный бюрократический аппарат, функционирование которого подчинено определенной идеологии, основанной на механизме «добровольного рабства», впервые описанного в работах философа Этьена де Ла Бозесси [15]. Суть механизма заключается в формировании такой управленческой вертикали, функционирование которой обеспечивается открытием доступа к части контролируемого социального блага субъектом властных полномочий, доступ он открывает своим безусловно лояльным сторонникам. Функционирование подобного аппарата приводит к чрезмерному регулированию общественных отношений порождая «административный произвол», без

законодательного закрепления самого понятия «административный произвол», а также в определенной мере подавление или ограничение гражданских прав и свобод ради достижения декларируемых государственной властью целей. Реализация механизма «добровольного рабства» приводит к тому, что его участники путем участия в законотворческой деятельности для закрепления своего правового статуса и имущественного состояния формируют юридические конструкции и дальнейшие правовые институты с запрограммированными дефектами, тем самым в процессе реализации которых конструируется псевдореальность, которая никогда бы не появилась при других обстоятельствах.

В свою очередь гностическая матрица сознания, содержащая смоделированную реальность без идеи будущего, проникает в умы не только маргинализированных социальных групп, но и представителей более обеспеченных социальных групп населения, не участвующих в «механизме добровольного рабства» – представителей малого и среднего бизнеса, имеющих низкий классный чин государственных и муниципальных служащих, интеллигенции, молодежи, в том числе имеющей образование. Все вышеперечисленные представители социальных групп, одновременно с погружением в гностическую матрицу сознания, перестают видеть свое место в социальной, политической и экономической сферах навязываемого им государства-симулякра.

Конечной точкой главенства гностической матрицы сознания у подавляющего большинства представителей социума выступает окончательное понимание абсолютного несовершенства окружающей реальности, в которой приходится существовать, и идеологическая инаковость декларируемых для реализации целей государства и получившегося конечного результата.

Дальнейшее доминирование гностической матрицы сознания в социуме грозит уничтожением не только самой дефектной юридической конструкции государства, но и самого социума. И в этот момент прежняя гностическая матрица сознания начинает сменяться новой матрицей – манихейской. Отправной точкой смены является появление «новой идеи изменения мироустройства», обязательными признаками появления которой выступают радикальная критика прежнего «старого мироустройства и существующей дефектной юридической конструкции государства», а также его идеологии и формирование образа врага, который виновен в создании причин кризиса. Тем самым общество разделяется на своих и чужих, представители которых ведут борьбу друг с другом. Примирение невозможно, ввиду того что каждая из сторон понимает свои действия как единственно возможные для выхода из возникшего кризиса. Появляется понимание последней битвы, после которой наступит наконец, то самое светлое будущее, наступления которого так жаждут обе стороны, именно на этой фазе гностическая матрица сознания окончательно вытесняется манихейской у той части социума, которая была наиболее ею поражена ранее. Представители социальных слоев, преодолевшие господство гностической матрицы, начинают отождествлять себя с силами добра и света, тем самым завершая опасный характер нарастания гностических настроений для социума. В этот момент перехода и могут происходить стихийное и практически мгновенное разрушение юридической конструкции существующего государства, полная и тотальная аннигиляция существующей власти и ее институтов.

Важно отметить, что момент формирования социальной базы манихейского переворота не происходит

спонтанно, он формируется целенаправленно в результате, в том числе, как указывалось выше, и под влиянием дефектной нормотворческой деятельности, создающей дефектные юридические конструкции, не учитывающие складывающиеся реалии социальной жизни и рост уровня социальной напряженности. Поэтому современной юридической науке реально необходим актуальный социологический инструментарий для выявления подобных событий и проведения необходимых корректировок нормотворческой деятельности.

Результаты

Прогнозирование социальной напряженности. Количественный подсчет индикаторов, определяющих уровень социальной напряженности. В настоящем как российские, так и иностранные ученые разработали достаточно обширный арсенал методологий и инструментов для анализа и прогнозирования социальной напряженности.

Важно отметить, что в западных научных школах термин «социальная напряженность» практически не используется, а применяется понятие «социальный стресс». Социальный стресс определяется как уровень ментального здоровья индивидуума или состояние психоэмоционального нездоровья, обусловленного влиянием социальной среды. Социальный стресс понимается как низкая способность адаптации индивидуума к стрессовым переменам внешней социальной среды существования.

Множество научных трудов содержат описание методологий исследования феномена социальной напряженности, которые можно применять в действительности нашего государства. Выбор методики зачастую зависит от применяемого подхода к интерпретации содержания понятия «социальная напряженность» и базовых факторов ее определения и детерминации. Зна-

чительное качественное разнообразие данных методик обуславливается различными подходами к интерпретации понятия «социальная напряженность», факторов ее предопределяющих и детерминирующих.

Западная наука в период 1945 до 1980-х гг. XX в. через изучение качества социальной среды, с позиций удовлетворенности ею человека, разработала (в первую очередь В. Дэвис) шкалу с более чем 40 индикаторами, главным назначением которых является всесторонняя оценка психологических и демографических параметров участников опросов, а также их социальной среды. В дальнейшем благодаря исследованиям Д. Фесслера сформирована шкала для изучения общественной солидарности. Ученым К. Жессером был создан вопросник для изучения проблематики социальной удовлетворенности населения. Исследователем А. Кембеллом в совместном с другими американскими учеными исследовании разработана индикативная шкала для изучения социальных изменений и социальной удовлетворенности. В целом в настоящем социальная напряженность исследуется западными учеными с помощью «Миннесотского вопросника удовлетворенности» [1, с. 3–10].

Анализируя различные методики изучения социальной напряженности, можно выделить следующее: основным методом выступают различного рода опросы. Правильное применение опросного метода позволяет выявить даже минимальные изменения самих социальных структур или отдельных областей «социального самочувствия», влияющего на уровень социальной напряженности. Низкое или полностью негативное социальное самочувствие, а также уровень социального стресса и, как следствие социальная напряженность взаимосвязаны с количеством происходящих в социуме негативных событий. Причем многие деструктивные события имеют явно искусственно

сконструированное происхождение, особенно события, связанные со сферой права.

В большинстве своем у опрашиваемых необходимо выявить все негативные события и провести их ранжирование с целью понимания их объективного объема в формировании негативного по ощущению жизненного мира личности [10, с. 107–113]. Для этого формируют перечень косвенных вопросов с целью выявления уровня депривации из-за негативного изменения социальных структур, которые приводят к социальной напряженности. Для вычисления уровня депривации применяют формулу Х. Кэнтрила:

$$RD = \frac{Ve - Vr}{Ve}$$

RD – относительная депривация; Ve – ожидаемая ценностная позиция; Vr – достигаемая ценностная позиция [2, с. 20–90].

Формулой определяется уровень относительной депривации, связанный с расхождением ожидаемых позиций респондентов и прямой возможности их реализации в текущих общественных отношениях. Уменьшающиеся возможности для получения ценности, важной для индивида, вызывает его неудовлетворенность этим состоянием. Подобные методики возможны к применению, но важно помнить, что ответы респондентов могут быть изложены под влиянием быстроменяющихся настроений. Поэтому формулировки ответов респондентов о своем социальном самоощущении недостаточно объективны в такой ситуации. Причем также для многих респондентов отмечается завышение оценки удовлетворенности жизнью, это зафиксировано в результате исследований ученых.

Наиболее эффективными можно считать методики с десятками вопросов (мультииндикаторные), анализ

ответов на которые позволяет выявить индекс благополучия и удовлетворенности. Данные методики расчета индексов специально сформированы для изучения социальной напряженности, позволяют отстраниться от большого количества анализируемых индикаторов, каждый из которых в отдельности показывает лишь части объекта изучения. Все вышеперечисленное позволяет сконструировать комплексную теоретическую модель объекта изучения, т. е. использование индексов кратно увеличивает реальность выявленных показателей [3].

Для исследования социальной напряженности применяют индекс, определяющий уровень социальной напряженности в наблюдаемом социуме. Не проводя углубленный анализ напряженности социальных групп, первопричин роста, не выявляются взаимосвязи уровней напряженности, её внешняя объективация и влияние на качество развития социума [7, с. 187–197].

Базовым элементом подавляющего количества методик выявления индекса социального самочувствия индивидов в обществе выступает оценка общего социального благополучия, складываемая из суммы оценок индивидами различных показателей, из которых складывается удовлетворенность собственной жизнью.

На сегодняшнее время разработано довольно большое количество подобных методик, используемых в сравнительных исследованиях. В качестве примера можно привести разработанную учеными (А. Мур, Дж. Вортон) шкалу оценки респондентами уровня удовлетворенности местом проживания. Индивид по разработанным показателям-высказываниям формулирует ответы от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». В шкалу внесены порядка 24-х показателей, выделенных в шесть шкал, измеряющих скрытые переменные: криминализованность района, качество доступной работы, разви-

тость здравоохранения, жилищные условия, уровень образования в месте проживания, социальное окружение.

Среди существующих методик также можно выделить еще один инструмент для изучения проблематики социальной напряженности – шкалу PERI (Psychiatric Epidemiology Research Interview – Б. Доренвенд). Её содержание включает инструменты изучения отрицательных событий, с которыми столкнулся индивид в недавнем прошлом. События оцениваются по 7-бальной шкале в зависимости от уровня негативного влияния [7, с. 187–197].

Следует отметить, что большое количество представленных сегодня методик, применяемых для исследований сфер социального самочувствия, социальной напряженности, уровней тревожности, представляют собой в первую очередь психологические тесты, назначение которых – выявлять уровень депрессивного состояния и тревожности как одного респондента, так и населения в целом. В Российской Федерации наибольшую популярность приобрела отечественная адаптация шкалы ситуационной напряженности личности Ч. Спилбергера, выполненная Ю. Ханиным как наиболее соответствующая реалиям нашей жизни. Но полученные результаты вышеуказанными методиками могут лишь определить уже существующий уровень неудовлетворенности, без выявления первопричин. Поэтому с конца XX в. отечественные исследователи сферы социальной напряженности сфокусировались на разработке новых методик, которые мы можем сгруппировать на основе методических подходов: в одних методиках применяются опросные методы, в других проводится только анализ полученной информации [8, с. 20–28].

Рассматривая методики, основанные на опросных методах исследования социальной напряженности, следует выделить апробированную методику Ю. М. Плюс-

нина, сконструированную для изучения городских социумов. В ходе ее применения на практике были выявлены скрытая и явная формы социальной напряженности. Также были получены показатели: отношения респондентов к социально-политическим и социально-экономическим процессам, материальный уровень, социальный климат и качество взаимоотношений в социуме, определены степень готовности к массовой протестной деятельности и уровень социальной напряженности в месте проживания [13, с. 6–38].

В соответствии с другой методикой (И. В. Пирогов) в качестве основания для определения социальной напряженности применяются так называемые мультииндикаторные индикаторы. В ходе исследования учитываются психологические механизмы в создании социальной напряженности, что задает базовую координатную систему, с помощью которой и интерпретируется итоговая информация. Недостатком данной методики выступает то, что индикаторы базовой координатной системы могут изменяться, порой весьма существенно от региональной специфики и существующих внешних факторов. Также необходимо уточнить, что автором методики игнорируется влияние положительных индикаторов на формирование социальной напряженности, а учитываются только отрицательные. Поэтому получаемые при расчетах интегральные показатели качества социальной напряженности не в полной мере соответствуют истинному состоянию.

В целом методики, основанные на опросных методах получения анализируемой информации, базируются на оценке качества удовлетворенности респондентами в реализации их потребностей. Для этого после анализа полученной информации производятся расчеты индекса социальной напряженности, причем описание

результатов происходит с учетом минимальных и максимальных значений.

Если говорить о практическом результате применения опросных методик, то можно заключить, что они могут предоставлять весьма правдоподобную информацию о состоянии общественного сознания в краткосрочные интервалы времени, например в период принятия важных управленческих решений. Но в долгосрочной перспективе использование только методик, основанных на опросах, лишает заинтересованных субъектов возможности предположить уровень социальной напряженности, своевременно принять меры к урегулированию подобной ситуации и, как следствие, не позволяет предугадывать социальные конфликты, могущие привести к серьезной дестабилизации на всей территории государства в целом и отдельных социальных групп в частности.

Помимо опросных, существуют и методики, исследующие статистические данные. Разработка подобных методик потребовалась ввиду ряда факторов:

- оценить уровень социальной напряженности в динамике, например во временной ретроспективе, через изучение показателей статистики;
- позволяет экономно и рационально проводить исследования мегаполисы, крупные города или макрорегионы на основе уже имеющихся статистических данных государственной статистики так и независимых статистических центров, без проведения достаточно дорогостоящих опросов.

В качестве примера можно привести широко применяемую методику выявления стресс-индекса SSI региона (А. Мюррейм, А. Лински), высчитываемого по статистике неблагоприятных ситуаций в жизни для респондентов. Качественным достоинством данной методики является

расчет уровня социальной напряженности во временной ретроспективе, в настоящем и прошлом, как по региону, так и по стране в целом.

В Российской Федерации статистический метод применяется достаточно активно. Например, отечественный социолог С. Б. Переслегин выдвинул гипотезу, что устойчивость общества обеспечивается положительным качеством жизни, поэтому он вводит в базис расчета социальной напряженности выявление уровня благосостояния. Но следует учесть, что методика не всегда позволяет получить корректные данные в случае отрицательного качества жизни, например когда среднемесячный доход лишь ненамного превышает прожиточный минимум [9, с. 107–118].

В других отечественных методиках исследования социальной напряженности, основанных на изучении уже существующих статистических данных, в качестве базиса исследования выступают данные статистики по следующим факторам: уровень занятости населения, объем задержанной к выплате заработной платы, количество банкротящихся предприятий в регионе, объем доходов населения в месяц и в годовом исчислении и т. д. Но вышеприведенные факторы не могут выступать в качестве детерминантных в различные временные периоды регионального и городского развития. В расчетах уровня социальной напряженности необходимо также использовать не только экономические и персонально-профессиональные, но и факторы, возникающие из-за социально-политической обстановки (проведение выборов и т. д.). Зачастую именно эти факторы и становятся детерминирующими в определении уровня социальной напряженности в социуме.

Качество статистических данных в подобных исследованиях достаточно высокое, но основной проблемой по-

добных исследований выступает недостаточная оценка социального фактора, связанного с индивидом, и степенью его влияния на процессы в социуме.

Весь существующий объем статистических данных не может корректно представить разнородность существующих социальных установок индивидов вместе с их эмоциональным состоянием по следующим основаниям:

- ввиду того что статистические материалы попадают на стол исследователя с большим временным лагом, поэтому итоговая информация не относится к категории оперативной и не дает возможности получать расчеты о реальном уровне социальной напряженности в исследуемой сфере;

- оперируют неполными материалами (например, нет информации по всем показателям, наличие «закрытых» материалов, намеренные искажения информации) статистики, которые подготовлены специально созданными учреждениями;

- сами результаты анализа сфокусированы только в отношении тех объектов, на которых статистическая информация получена.

Ввиду вышесказанного, наиболее удачной для целей нашего исследования выявления взаимосвязи между повышением уровня социальной напряженности в Российской Федерации из-за конструирования девиаций путем внесения дефектов в юридические конструкции при законотворческой деятельности, является методика, разработанная Г.В Барановой. Содержание методики позволяет проанализировать различные аспекты социальной напряженности на уровне субъекта Российской Федерации, например:

- выявить уровень социальной напряженности в различные периоды времени и тем самым осуществлять их сравнительный анализ в ретроспективе;

- устанавливать соцгруппы, в которых социальная напряженность имеет более высокий уровень, тем самым устанавливая потенциальных участников дестабилизирующих социальных событий;
- более точно выявлять и измерять индикаторы, которые являются существенными факторами риска.

Заключение

Вся вышеуказанная информация позволит выявить пробелы в нормотворческой деятельности в сферах, в которых индикаторы имеют отрицательное значение и выявить существующие дефектные юридические конструкции в правореализационной практике, что должно привести к форсированию процесса исправления данной ситуации со стороны государственных органов. Прогнозирование уровня социальной напряженности зависит от расчетов индекса социальной напряженности, который и будет показывать ее уровень на анализируемой территории. Расчет индекса будем производить в соответствии с нижеприведенной формулой [9]:

$$ИСН = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n ИПН_j$$

n – фактический объем выборки; ИПН _{j} – индивидуальные показатели напряженности индивидов в регионе в текущем периоде его существования.

$$ИПН_j = \sum_{i=1}^m Y_{ij}$$

Y_{ij} – величина, отражающая степень неудовлетворенности j -го индивида оцениваемым i -м параметром и одновременно учитывающая предел его важности (индивидуальный показатель неудовлетворенности индивида для соответствующего фактора):

$$Y_{ij} = B_{ij} \cdot X_{ij}$$

B_{ij} – показатель степени важности i -го параметра для j -го индивида; X_{ij} – показатель уровня неудовлетворенности i -ым параметром j -го индивида; m – число факторов, определяющих социальную напряжённость на территории (с учетом результатов опроса экспертов).

Вычисление индикатора имеет важное значение для определения социальной напряженности, это связано с тем, что необходимо сформировать рекомендации по снижению уровня социальной напряженности в случае его увеличения, определенный уровень которой присутствует в любом социуме постоянно.

Расчет индекса на основе изучения процессов, сопровождающих рост социальной напряженности, позволит прогнозировать появление неконтролируемых сюжетов в существовании социума, связанного с насилием. Продвинутое прогнозирование позволит сформировать перечень мероприятий по снижению социальной напряженности. Также индикатор послужит инструментом анализа получаемой статистической информации во время исследования и будет способствовать:

- качественно определять уровни социальной напряженности;
- выявлять потенциально негативные ситуаций и, как следствие, уязвимые социальные группы в социуме, для которых полностью исключен или снижен уровень распределения благ, и как эта тенденция может повлиять на дестабилизацию экономической и политической обстановки в стране.

Индикатор уровня социальной напряженности синтетический и состоит из индикаторов, показывающих оценку населением:

- определенных решений органов государственной власти по отношению к событиям, проблемам, кото-

рые непосредственно влияют на интересы и удовлетворенность потребностей индивидов и их социальных групп и формируют доверие населения к институтам государства;

- качества и удовлетворенности уровнем собственной жизни индивидами, уровнем материального благополучия, доступностью удовлетворяющего базовые потребности рабочим местом, общим фоном социального самочувствия;
- экономической и политической элиты, рациональности и разумности их деятельности в повышении качества государственной и социальной жизни;
- качества систем образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли.

Список литературы

1. Алексеёнок А. А., Бараночников В. А. Влияние среднего класса на уровень социальной напряженности в современном обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 3–10. EDN: PISXAF
2. Алексеёнок А. А., Бараночников В. А. Методика классификации населения региона по протестному потенциалу // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – С. 20–90. EDN: RKPUKR
3. Алексеёнок А. А., Каира Ю. В., Бараночников В. А. Социальное неравенство и социальная напряженность: монография. – Орёл, 2016. – 244 с. EDN: WIGDFF
4. Гилинский Я. Глобализация и девиантность в России // Глобализация в российском обществе / ред. И. Елисеева. – СПб., 2008. – С. 399–508. EDN: PDUXHL
5. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2007. – С. 164–189. EDN: PDUXHL
6. Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб Юридического института ген. прокуратуры РФ, 2004. – № 6. – С. 69–77.
7. Каира Ю. В. Аналитический потенциал семантического дифференциала в социологическом исследовании уровня жизни // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 1. – С. 187–197.
8. Каира Ю. В. Социальная напряженность и протестная активность населения региона // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 20–28.
9. Каира Ю. В. Методика исследования социальной напряженности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 107–118. EDN: ZIZXDP

10. Квашенко Н. Ю., Глушаков А. Ю. Инфосфера медиакоммуникаций и жизненный мир личности в условиях цифровой цивилизации // Образование 4.0: Конкуренция, компетенции, коммуникации и креатив: сб. научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. – М., 2022. – С. 107–113. EDN: FPLGPX
11. Ольков С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. – 2004. – № 8. EDN: OQDJYD
12. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1996. – Т. II. – С. 140–156.
13. Плюснин Ю. М. Скрытая социальная напряженность в российском обществе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2013. – № 2 (69). – С. 6–38.
14. Толстова Ю. Н. Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. – М.: Научный мир, 2000. – 352 с.
15. Этьен де Ла Боэсси. Рассуждение о добровольном рабстве / пер. с фр. – М.: АН СССР, 1952. – 200 с.
16. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. – М.: Русский путь, 2010. – 320 с.
17. Grover Ch. Crime and Inequality. – Willan Publishing, 2008. – 288 p.
18. Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. – London: Thousand Oaks: Sage Publications, 1999. – 216 p.

References

1. Alekseenok, A. A., Baranochnikov, V. A. (2012) Vliyaniye srednego klassa na uroven' social'noj napryazhennosti v sovremennom obshchestve [The influence of the middle class on the level of social tension in modern society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities. Issue 1. Part 1. Pp. 3–10.* (In Russian). EDN: PISXAF
2. Alekseenok, A. A., Baranochnikov, V. A. (2013) Metodika klassifikatsii naseleniya regiona po protestnomu potencialu [Methodology for classifying the population of the region by protest potential]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research. No. 10. Pp. 20–90.* (In Russian). EDN: RKPURK
3. Alekseenok, A. A., Kaira, Yu. V., Baranochnikov, V. A. (2016) *Social'noe neravenstvo i social'naya napryazhennost': nauch. monografiya* [Social inequality and social tension: scientific. the monograph]. Orel. (In Russian). EDN: WIGDFF
4. Gilinsky, Ya. (2008) *Globalizatsiya i deviantnost' v Rossii. V: Globalizatsiya v russkom obshchestve / red. I. Eliseeva* [Globalization and deviance in Russia. In: Globalization in Russian Society/ ed. by I. Eliseev]. St. Petersburg. Pp. 399–508. (In Russian). EDN: PDUXHL
5. Gilinsky Ya. (2007) *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubijstv i drugih «otklonenij»* [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"]. Ed. 2nd. St. Petersburg. Pp. 164–189. (In Russian). EDN: PDUXHL
6. Gilinsky, Ya. (2004) «Isklyuchennost'» kak global'naya problema i social'naya baza prestupnosti, narkotizma, terrorizma i inyh devitsij ["Exclusion" as a global problem and the social base of crime, drug addiction, terrorism and other deviations]. *Trudy SPb Yuridicheskogo instituta Gen. prokuratury – Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. No. 6. Pp. 69–77.* (In Russian).

7. Kaira, Yu. V. (2010) Analiticheskij potencial semanticheskogo differenciala v sociologicheskom issledovanii urovnya zhizni [The analytical potential of the semantic differential in the sociological study of living standards]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities*. Issue 1. Pp. 187–197. (In Russian).
8. Kaira, Yu. V. (2017) Social'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' naseleniya regiona [Social tension and protest activity of the region's population]. *Srednerus. vestn. obshchestv. nauk – Central russian bulletin of social science*. Vol. 12. No. 2. Pp. 20–28. (In Russian).
9. Kaira, Yu. V. (2017) Metodika issledovaniya social'noj napryazhennosti [Methodology for the study of social tension]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities*. No. 3. Pp. 107–118. (In Russian). EDN: ZIZXDP
10. Kvaschenko, N. Yu., Glushakov, A. Yu. (2022) Infosfera mediakommunikacij i zhiznennyj mir lichnosti v usloviyah cifrovoj civilizacii [The infosphere of media communications and the life world of a personality in a digital civilization]. *Obrazovanie 4.0: Konkurenciya, kompetencii, kommunikacii i kreativ* [Education 4.0: Competition, competencies, communication and creativity]. Collection of scientific papers based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Moscow. Pp. 107–113. (In Russian). EDN: FPLGXP
11. Olkov, S. G. (2004) O pol'ze i vrede neravenstva (kriminologicheskoe issledovanie) [On the benefits and harms of inequality (criminological research)]. *Gosudarstvo i parvo – State and Law*. No. 8. (In Russian). EDN: OQDJYD
12. Pogam, S. (1996) Isklyuchenie: social'naya instrumentalizaciya i rezul'taty issledovaniya [Exclusion: social instrumentalization and research results]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. II. Pp. 140–156. (In Russian).
13. Plyusnin, Yu. M. (2013) Skrytaya social'naya napryazhennost' v rossijskom obshchestve [Hidden social tension in Russian society] *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz* [Politics: Analysis. The chronicle. Forecast]. No. 2 (69). Pp. 6–38. (In Russian).
14. Tolstova, Yu. N. (2000) *Analiz sociologicheskikh dannyh: Metodologiya, deskriptivnaya statistika, izuchenie svyazej mezhdru nominal'nymi priznakami* [Analysis of sociological data: Methodology, descriptive statistics, study of relationships between nominal characteristics]. Moscow: Scientific World. (In Russian).
15. Etienne de La Boessi (1952) *Rassuzhdenie o dobrovol'nom rabstve* [A discussion about voluntary slavery / Translated from French]. Moscow. (In Russian).
16. Yakovenko, I. G., Muzykantsky, A. I. (2010) *Manichaeism and gnosticism: cultural codes of Russian civilization* [Manicheism and gnosticism: cultural codes of Russian civilization]. Moscow: Russkiy put. (In Russian).
17. Grover, Ch. (2008) *Crime and Inequality*. Willan Publishing.
18. Young, J. (1999) *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. London; Thousand Oaks: Sage Publications.

Об авторе

Глушаков Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

About the author

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, North-West Institute of Management of the RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 14.02.2025
Принята к публикации: 20.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 14 February 2025
Accepted: 20 February 2025
Published: 31 March 2025*